

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. xviii + 772 p. ISBN 978-3-11-022036-0

Дитранзитивными конструкциями в лингвистической типологии называют структуры с тремя ядерными актантами – Агенсом (А), Темой (Т) и Реципиентом (R), – выражающие перемещение (реальное или абстрактное, метафоризованное) Темы от Агенса к Реципиенту. Прототипический пример дитранзитивной конструкции – предложение с глаголом *дать*, например: *Она (А) дала мне (R) книгу (Т)*. Начало систематическому типологическому изучению дитранзитивных и родственных им конструкций было положено в статье [Dryer 1986], где впервые были выделены основные стратегии кодирования участников двухактантных переходных (монотранзитивных) ситуаций – аккумулятивной, эргативной и т.д. Положения статьи М. Драйера были развиты и дополнены в таких работах, как [Croft 1990; Siewierska 2003; 2004; Haspelmath 2005a; 2005b]. К середине 2000-х годов библиография по дитранзитивным конструкциям и смежным вопросам стала весьма обширной; отмечу имеющие непосредственное отношение к данной проблематике статью [Austin, Margetts 2007] о типологии трехактантных конструкций вообще, ряд статей финского лингвиста С. Киттила [Kittilä 2005, 2006a; 2006b; 2006c; 2008], статьи [Gensler 2003; Siewierska, Bakker 2007; Heine, König 2010] о порядке элементов дитранзитивных конструкций (именных групп и глагольных местоимений), сборник [Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010], посвященный бенефактивным конструкциям, нередко устроенным по дитранзитивной модели. Рецензируемая книга «Исследования по дитранзитивным конструкциям» не только подводит итог международному исследовательскому проекту, выполнявшемуся на лингвистическом отделении Института эво-

люционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге (Германия), но и служит важной и вполне закономерной вехой в типологическом изучении дитранзитивных конструкций, суммируя и обобщая значительный массив данных и идей, накопленных в науке на сегодняшний день.

Структура сборника во многом копирует традиционную структуру коллективных монографий, издаваемых Петербургской типологической школой (например [Храковский (ред.) 2009])¹. Книгу открывают обобщающая статья² редакторов «Типологический обзор дитранзитивных конструкций» (с. 1–64), вводящая читателя в проблематику дитранзитивных конструкций и излагающая наиболее важные аспекты их типологии и центральные проблемы их изучения, и анкета для типологически ориентированного изучения таких конструкций в конкретном языке (с. 65–73). Основную часть сборника составляют двадцать четыре статьи, описывающие дитранзитивные конструкции в конкретных языках, локализованных в Африке, Евразии, Австралии и Океании и в Новом Свете. В двух статьях дитранзитивные конструкции изучаются не в конкретном языке, а в целых языковых семьях – восточно-кавказской (статья М.А. Даниэля, З. Халиловой и З. Молочиевой) и тунгусо-маньчжурской (статья А. Мальчукова и И.В. Недялкова). Стоит отметить явный «перекос» сборника в сторону «экзотических» и малоизученных языков и от-

¹ Оглавление сборника доступно на сайте издательства: <http://www.degruyter.de/cont/imp/mouton/detailEn.cfm?id=IS-9783110220360-1>

² Электронный вариант статьи, близкий к опубликованному, доступен в Интернете по адресу: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/DitransitiveOverview.pdf>

существование в нем статей о европейских языках, что кажется в принципе оправданным (индоевропейская семья представлена иранским языком вафси); труднее понять, почему Австралия представлена в сборнике лишь одним языком, в то время как Африка – шестью, хотя в целом сборник довольно равномерно охватывает географическое и генетическое разнообразие языков.

Хотя с теоретической точки зрения книга весьма гомогенна (авторы в целом принимают функционально ориентированный типологический подход), стоит отметить, что не во всех статьях основные понятия определяются одинаково. Так, Б. Бикель с соавторами в статье о тибетских языках чинтан и белхаре не проводят различия между собственно дитранзитивными конструкциями и трехактантными структурами вообще, и в результате в статье рассматривается значительно более обширный материал.

В силу особенностей композиции книги в данной рецензии я уделю основное внимание изложению содержания обобщающей вводной статьи и лишь бегло остановлюсь на наиболее интересных аспектах статей о конкретных языках.

В начале статьи А. Мальчуков, М. Хаспельмат и Б. Комри дают определение дитранзитивной конструкции, совпадающее с открывающим данную рецензию. Следует особо отметить чисто семантический характер этого определения, не апеллирующего ни к каким морфосинтаксическим понятиям вроде прямого или непрямого объекта, поскольку последние всегда определяются для системы конкретного языка (см. [Haspelmath 2010; 2011]) о противопоставлении конкретно-языковых и универсально-типологических понятий в лингвистике). Авторы эксплицитно отделяют дитранзитивные конструкции, понимаемые как связанные с семантической переходом Темы от Агенса к Реципиенту, от других типов трехактантных конструкций (как уже было сказано выше, этим их подход отличается от представленного в статье Б. Бикеля с соавторами), таких как, например, конструкции с инструментом, с третьим участником-местом и т.п. Как уже говорилось выше, типичные представители дитранзитивных конструкций содержат глаголы с семантикой ‘дать’, ‘дать взаймы’, ‘продать’, ‘вернуть (взятое)’; кроме того, А. Мальчуков с соавторами относят к дитранзитивным конструкциям с метафорической передачей, такие как ‘показать’, ‘сказать’, ‘завещать’ и ‘обещать’, которые во многих языках кодируются подобно конструкциям с глаголом ‘дать’. Как отмечают авторы, дитранзитивные глаголы в конкретных языках гораздо малочисленней монотранзи-

тивных и обычно демонстрируют более разнобразное поведение. Есть даже языки, например, цоциль (семья майя) или адыгейский, где вообще нет морфологически непроемных дитранзитивных глаголов.

В статье с типологической точки зрения изучаются следующие характеристики дитранзитивных конструкций: основные стратегии кодирования (alignment types, т.е. наиболее общие типы одинакового vs. различного кодирования актантов) и морфосинтаксического оформления (encoding strategies, т.е. более конкретные виды конструкций) и их вариации, морфосинтаксические свойства (behavioural properties, т.е. поведение конструкций по отношению к таким явлениям, как пассивизация, релятивизация, номинализация и т.п.), лексико-семантические характеристики. Рассмотрим их по порядку.

Понятие базовой стратегии кодирования (alignment type) было введено в типологию в середине XX в. в качестве обобщения и уточнения таких понятий, как номинативно-аккузативная и эргативная конструкции, различающиеся тем, с кодированием какого из актантов монотранзитивного предиката совпадает оформление субъекта непереходной конструкции (см. в первую очередь работы [Comrie 1978; Кибрик 1979], хотя впервые данная идея была как таковая выдвинута, видимо, в статье [Fillmore 1968]). Как уже было сказано, на дитранзитивные конструкции понятие alignment было распространено в первую очередь после статьи [Dryer 1986]. Драйер выделил две стратегии кодирования, которые он назвал стратегией с прямым и непрямым объектами (в ней дитранзитивный актант с ролью Т отождествляется с монотранзитивным пациенсом Р в качестве прямого объекта, а дитранзитивный R кодируется отлично от них в качестве непрямого объекта) и стратегией с первичным и вторичным объектами (здесь, напротив, с Р объединяется R в качестве первичного объекта, а Т кодируется иначе в качестве вторичного объекта). Эти стратегии можно проиллюстрировать следующими русскими предложениями: *Он подарил мне* (R, непрямым объектом) *книгу* (T, прямой объект) и *Он одарил меня* (R, первичный объект) *книгой* (T, вторичный объект). Первое полностью систематическое типологическое изучение стратегий кодирования актантов дитранзитивных конструкций было предпринято М. Хаспельматом [Haspelmath 2005a; 2005b], и он же предложил используемую в рецензируемом сборнике и постепенно становящуюся общепринятой терминологию.

Итак, выделяются три основные и две крайне редкие стратегии кодирования актантов

дитранзитивных конструкций, схематически показанные на рис. 1. Стратегию с прямым и непрямым объектами (T = P vs. R) М. Хаспель-

маг предложил называть **индирективной**, а стратегию с первичным и вторичным объектами (R = P vs. T) – **секундативной**.

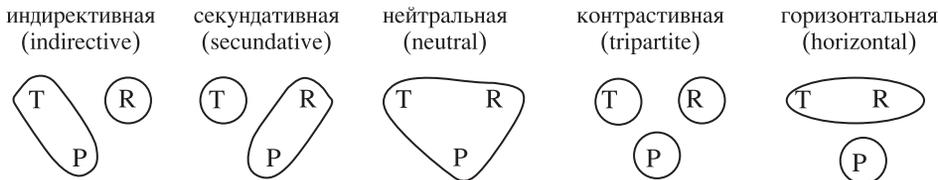

Рис. 1. Базовые стратегии кодирования актантов дитранзитивных конструкций

Контрастивная и горизонтальная стратегии оформления в дитранзитивных конструкциях еще более редки, чем в монотранзитивных, и практически не представлены надежными примерами, поэтому в дальнейшем авторы рассматривают лишь первые три наиболее хорошо засвидетельствованные стратегии. Стратегии кодирования, как известно, могут проявляться в зависимостном маркировании (flagging, т.е. в оформлении именных групп падежами или предлогами/ послелогами), в вершинном маркировании (indexing, т.е. в согласовании в глаголе или индексировании участников при помощи глагольных местоименных аффиксов или клитик) и в порядке слов, причем в одном и том же языке разные типы кодирования могут следовать разным стратегиям. Несмотря на то что в языках мира представлены практически все логически возможные комбинации трех базовых стратегий с тремя основными типами кодирования, существуют сильные типологические тенденции в их распределении (подробнее см. [Haspelmath 2005a], где приводится и статистика). Так, зависимостное маркирование тяготеет к индирективной стратегии, а вершинное – к секундативной, что проявляется в частотных случаях несоответствия (mismatch) в оформлении, ср., например, амхарские примеры (1a) и (1b) [Amberber 2009: 745, 747]³.

- (1). a. *lämma* *färmus-u-n*_i
 Лемма бутылка-DEF-ACC
*säbbär-ä-w*_i
 разбить-PRF-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
 ‘Лемма разбил бутылку (P)’⁴.

³ Транскрипция примеров приведена в соответствии с традицией.

⁴ В примерах используются следующие сокращения: ACC – аккузатив, DAT – датив, DEF – определенность, DET – детерминатор, DSG – деизигнатив, M – мужской род, OBJ – объект, POSS – possessивность, PRF – перфект, SBJ – субъект, SG – единственное число.

- b. *lämma* *lä-lägg-u*_i
 Лемма DAT-ребенок-DEF
mäshaf-u-n
 книга-DEF-ACC
*säññ-ä-w*_i
 дать-PRF-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
 ‘Лемма дал ребенку (R) книгу (T)’.

Три основные стратегии кодирования актантов дитранзитивных конструкций семантически мотивированы: индирективная отражает сходства семантических ролей T и P (оба обладают пациентивными свойствами, в отличие от R), секундативная связана с одушевленностью (для P и в особенности для R нормально быть одушевленными, в отличие от T), а нейтральная – с противопоставлением всех трех «объектных» ролей агенту. «Склонность» разных типов маркирования к той или иной стратегии объясняется тем, что падежи типологически тяготеют к выражению семантических ролей, а глагольное согласование нередко ориентировано на противопоставления по «выделенности», включая одушевленность.

Помимо наиболее распространенных типов морфосинтаксического оформления – зависимостного маркирования, глагольного индексирования и порядка слов, – дитранзитивные конструкции во многих языках используют сериализацию (сочетание двух одинаково оформленных глаголов, образующих единую предикацию; типологический обзор сериализации в дитранзитивных и бенефактивных конструкциях см. в статье [Creissels 2010]), ср. пример (2) из языка фонгбе (семья ква, Бенин) (с. 13), и более редкую стратегию с оформлением одного из участников в качестве приименного зависимого другого, ср. пример (3) из эвенского языка (с. 15).

- (2) *Kòkú só asón ó*
 Коку взять краб DET
ná Ásibá.
 дать Асиба
 ‘Коку дал краба (T) Асибе (R)’
 (букв. «Коку взял краба (и) дал Асибе»).

- (3) *Etiken kunga turki-ga-n*
 старик ребенок сани-DSG-3SG.POSS
emun.
 привез
 ‘Старик привез ребенку (R) сани (T)’
 (букв. «сани (предназначенные для)
 ребенка»).

Отдельно разбираются типологические закономерности порядка слов в дитранзитивных конструкциях. Во-первых, отмечается сильная тенденция помещать и T, и R контактно по одну сторону от сказуемого; яркое исключение составляют языки семьи манде, где R оформляется как косвенный объект при порядке S–(Aux)–O–V–прочие. Во-вторых, оказывается, что взаимный порядок T и R нетривиальным образом связан с характером их падежного оформления: если оба объекта неформлены, то обычно R предшествует T (что, видимо, связано с большей одушевленностью и, следовательно, топиальностью R), однако при индирективном зависимом маркировании T гораздо чаще следует перед R.

Обсуждая широко распространенные внутриязыковые вариации типов оформления дитранзитивных конструкций, авторы противопоставляют альтернативы (когда выбор конструкции зависит от семантических или прагматических факторов) и «расщепление» (split, когда выбор обусловлен грамматическими правилами либо самой глагольной лексемой). Наиболее известна и хорошо изучена так называемая «дативная альтернатива», отмеченная в английском, а также в ряде генетически неродственных языков, ср. примеры (4a) и (4b) (с. 18). Факторы, определяющие употребление той или иной из альтернирующих дитранзитивных конструкций, могут быть связаны со степенью вовлеченности объектов в ситуацию, их относительной одушевленностью или дискурсивной выделенностью и т.п.

- (4) a. *Mary gave John a pen.*
 ‘Мери дала Джону (R) ручку (T)’
 (конструкция с двумя объектами).
 b. *Mary gave a pen to John*
 ‘тж.’ (конструкция с прямым
 и непрямым объектами).

Наиболее частотные случаи «расщепления» в оформлении дитранзитивных конструкций связаны с противопоставлением личных местоимений и полных именных групп (например, местоимения могут кодироваться секундативно, а ИГ – индирективно), а также с относительной одушевленностью или топиальностью участников. Иными словами, факторы, определяющие «расщепления», сходны с факторами, релевантными для альтернатив; это неудивительно, поскольку «расщепле-

ния» – это обычно сильно грамматикализованные альтернативы.

Отдельно в статье кратко обсуждаются такие более частные явления кодирования, как так называемое «лично-ролевое ограничение» (отмеченный во многих неродственных языках запрет на индексирование в случае T 1-го или 2-го лица и R 3-го лица, см. подробнее [Haspelmath 2004]) и супплетивизм глагола ‘дать’ в зависимости от лица R, см. подробнее [Comrie 2003].

Значительную часть статьи составляет фактически первый систематический типологический обзор синтаксических характеристик дитранзитивных конструкций и поведения их актантов в таких процессах, как пассивизация, антипассивизация, релятивизация, образование частных вопросов, рефлексивизация, реципрокализация, инкорпорация и инверсив. В области пассивизации отмечаются три типа: индирективный (пассивизируется лишь T, как в русском), секундативный (пассивизируется лишь R, как в суахили) и нейтральный (пассивизируются оба объекта, как в австронезийском языке туанг беси); авторы отмечают, что ограничения на пассивизацию связаны с базовой стратегией кодирования: так, индирективное оформление (вершинное либо зависимое) обычно предполагает индирективную же пассивизацию. В отличие от пассивизации, антипассивизация как правило ориентирована на T независимо от стратегии оформления.

В области выражения кореферентности дитранзитивные конструкции демонстрируют интересное противопоставление между рефлексивизацией и реципрокализацией: первая чаще ориентирована на T (‘отдать себя’), а вторая – на R (‘отдать друг другу’). Эти тенденции, в ряде языков проявляющиеся в грамматических запретах, могут быть связаны с прагматическими особенностями соответствующих конструкций.

Процессы номинализации и инкорпорации имеют тенденцию к индирективности, т.е. к одинаковой трактовке T и P в противоположность R. В случае номинализации индирективность проявляется в том, какой аргумент меняет свое оформление на possessивное (ср. русск.: *сообщил новость (T) начальнику (R)* и *сообщение новости (T) начальнику (R)*), а при инкорпорации – в самой возможности применения этой операции к актанту: реципиенты, будучи обычно одушевленными и определенными, за редчайшими исключениями вообще не инкорпорируются. Напротив, употребление инверсивного маркирования, тесно связанное с иерархией одушевленности, в тех языках, где оно есть, почти всегда ориентировано на R, т.е. секундативно.

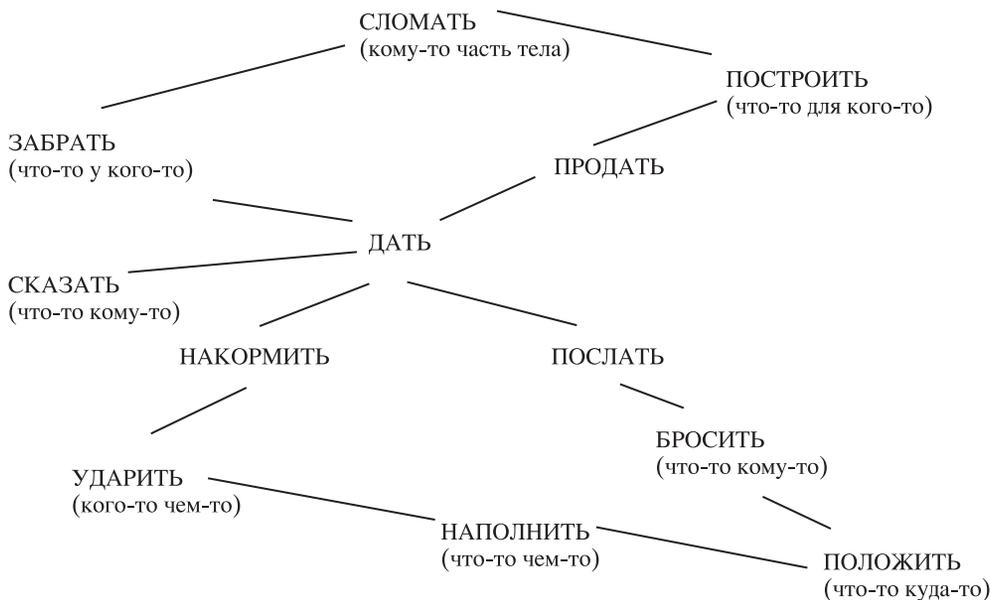

Рис. 4. Семантическая карта дитранзитивных конструкций (с. 55)

рамках, заданных вводной статьей, и опираются на разработанную редакторами анкету, хотя авторам и была предоставлена большая свобода в порядке и способе изложения материала.

Раздел, посвященный языкам Африки, содержит шесть статей. К. Кёниг и Б. Хайне анализируют данные койсанского языка !хунг (!Xun) и делают вывод о том, что в нем вообще нет дитранзитивных глаголов: предикат в этом языке может иметь не более двух синтаксических актантов, и третий участник, независимо от семантической роли, грамматически оформляется как сирконстант. При глаголе 'дать' в качестве объекта может выступать как Т, так и R, однако не оба одновременно. Статья Р. Шефера и Ф.О. Эгбохаре об эдоидном языке эмай содержит тонкий сравнительный анализ поведения значительного числа глаголов, способных выступать в дитранзитивных конструкциях. В сравнительно короткой статье Ж. Атоеби, М. Хаспельмата и А. Мальчукова о языке йоруба сопоставляются несколько типов оформления дитранзитивных конструкций и их альтернативы, а также строится семантическая карта трехактантных конструкций этого языка. В статье А.-К. Бассена об атлантическом языке дьола-баньял демонстрируется, что разные грамматические признаки следуют различным стратегиям (нейтральной, индирективной и секундативной). Также в этом разделе представлены статьи Д. Кресселя и Ж. Куадио о языке бауле группы ква и Г. Диммендаля о языке тима (центральный Судан).

Из семи статей о языках Евразии следует особо отметить работу М.А. Даниэля, З. Халиловой и З. Молочиевой, в которой сравниваются дитранзитивные конструкции в языках восточно-кавказской семьи; яркое типологическое своеобразие этих языков состоит в формальном (с помощью различного падежного оформления R-актанта) противопоставлении между значениями 'Т поступает в постоянную собственность R' и 'Т передается R на время', которое обычно не выражается в языках мира грамматическими средствами. Интересно сравнить это противопоставление с наблюдающимся в тайском языке, где, согласно статье К. Тхепкьяна, выбор одного из трех типов оформления дитранзитивных конструкций зависит от лексической семантики глагола, значения конструкции (передача Т в распоряжение одушевленного R vs. простое перемещение Т к R) и ряда синтаксических и даже социолингвистических факторов. Э. Когхил в статье о новорамейском диалекте телкпе описывает исключительно сложную «расщепленную» систему, где кодирование актантов дитранзитивных конструкций при помощи падежных показателей и глагольного согласования зависит от типа глагольной формы, противопоставления ИГ и местоимений, а также от определенности объектов. В тунгусо-маньчжурских языках (статья А. Мальчукова и И.В. Недялкова) также сосуществует несколько конструкций (нейтральная с двумя объектами в аккумулятиве, индирективная и др.), из которых наибольший

интерес представляет типологически редкая «дезигнативная» конструкция, в которой R кодируется как посессивное зависимое участника-T, оформленного особым дезигнативным падежом, выражающим «предназначенность» темы реципиенту, см. выше пример (3). Также в этом разделе представлены статья Д. Стило о западноиранском языке вафси, статья А. Нефёдова, А. Мальчукова и Э. Вайды о кетском языке и статья Б. Бикеля и девяти соавторов о тибетских языках чинтан и белхаре, в которой основное внимание уделяется сравнению поведения второго и третьего актантов в целом ряде трехаргументных конструкций.

Языки Австралии, Новой Гвинеи и Океании представлены в сборнике лишь четырьмя статьями, что не может не вызывать сожаления, учитывая беспрецедентное языковое разнообразие в этом регионе. М. Кламер в статье о «папуасском» языке тэва (о-в Пантар, восточная Индонезия) показывает, что здесь имеется единственный собственно дитранзитивный глагол ‘дать’, принимающий два объекта, а обычным способом образования дитранзитивной конструкции служит сериализация с помощью глагола ‘прийти’ (что типологически нетривиально, поскольку, согласно [Creissels 2010], реципиентно-бенефактивные сериализации чаще всего строятся на основе глагола ‘дать’). С. Федден анализирует морфологические особенности дитранзитивных конструкций в полисинтетическом языке миан семьи ок (Папуа – Новая Гвинея) и предлагает диахронический анализ возникновения ряда особенностей этих конструкций. У. Мозель описывает сложную систему оформления дитранзитивных конструкций в австронезийском языке теоп (о-в Бугенвилль, Папуа – Новая Гвинея), на которую накладывается связанное с иерархиями одушевленности и тематичности противопоставление «первичного» и «вторичного» объектов. Э. Шульце-Берндт в статье о языке дямидюнг (изолят, Северная Австралия) особое внимание уделяет распространенной в неродственных языках этого региона стратегии «разделения» предиката на собственно лексическую часть и вспомогательный глагол, и в заключении статьи строит схему своеобразной классификации трехактантных ситуаций в этом языке.

Заключительный раздел книги содержит семь статей, посвященных языкам Америки. Особо хочется отметить подробнейшее описание морфосинтаксиса дитранзитивных конструкций в сэлтиском языке халкомелем (статья Д. Гердтс, наиболее объемная в сборнике после вводной), грамматика которого организована вокруг категории «абсолютива» (в терминах М. Драйера – «первичного объекта»,

т.е. секундативного объединения Р и R). В языках оджибве (алгонкинская семья, Канада, статья Р.А. Роудза), итонама (изолят, Боливия, статья М. Кревелс) и мапудунгун (арауканская семья, Чили, статья Л.А. Гольюсио) важную роль в дитранзитивных конструкциях играет инверсив, маркирующий случаи, когда агенс находится ниже реципиента в иерархии одушевленности. Язык мапудунгун интересен также активным использованием аппликативных дериваций и наличием двух глаголов ‘дать’: трехвалентного (‘дать что-то кому-то’) и двухвалентного (‘отдать что-то’). Нетривиальность грамматической системы отомангского языка глапанек (Мексика) нелегко оценить по достоинству из-за недостаточно ясного изложения автора статьи С. Вихмана (в качестве курьеза отмечу также, что библиография к этой статье содержит лишь работы самого автора). Также в этот раздел включены статьи О. Мияока об эскимосском языке юпик (Аляска) и Э. Кэмпбел об атабаскском языке хупа (Калифорния).

Сборник содержит указатели имен, языков и терминов, а также список сокращений. Опечатки в книге минимальны, хотя можно отметить, например, что спутана нумерация примеров на с. 369.

В целом рецензируемый сборник, вне всякого сомнения, является важной вехой не только в изучении дитранзитивных и трехактантных конструкций, но и вообще в развитии типологии, демонстрируя как достигнутые лингвистикой стандарты детального описания материала самых различных языков, так и уровень межъязыковых обобщений. Отдельно подчеркну в качестве особенного достоинства этой книги повышенное внимание ее авторов и редакторов к лексической семантике и ее взаимодействию с грамматикой. Сборник «Исследования по дитранзитивным конструкциям», как и целый ряд других публикаций, подтверждает лидирующее положение Лейпцигской типологической группы из Института эволюционной антропологии им. Макса Планка в этой активно развивающейся области лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик 1979 – А.Е. Кибрик. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
- Храковский (ред.) 2009 – В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Amberber 2009 – M. Amberber. Differential case marking of arguments in Amharic // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford, 2009.

- Austin, Margetts 2007 – *P. Austin, A. Margetts*. Three participant events in the languages of the world: towards a crosslinguistic typology // *Linguistics*. V. 45. 2007. № 3.
- Comrie 1978 – *B. Comrie*. Ergativity // W.P. Lehmann (ed.). *Syntactic typology*. Studies in the phenomenology of language. Austin; London, 1978.
- Comrie 2003 – *B. Comrie*. Recipient person suppletion in the verb ‘give’ // M.R. Wise, Th.N. Headland, R.M. Bread (eds.). *Language and life: Essays in memory of Kenneth L. Pike*. Dallas, 2003.
- Creissels 2010 – *D. Creissels*. Benefactive applicative periphrases: A typological approach // F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). *Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Croft 1990 – *W. Croft*. *Typology and universals*. Cambridge, 1990.
- Dryer 1986 – *M.S. Dryer*. Primary objects, secondary objects, and antidative // *Language*. V. 62. 1986. № 4.
- Fillmore 1968 – *Ch. Fillmore*. The case for case // E. Bach, R.T. Harms (eds.). *Universals in linguistic theory*. New York, 1968 (русск. пер.: Филлмор 1981/1968 – Ч. Филлмор. Дело о падеже // В.А. Звегинцев (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981).
- Gensler 2003 – *O. Gensler*. Object ordering in verbs marking two pronominal objects: Non-explanation and explanation // *Linguistic typology*. V. 7. 2003. № 2.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. V. II. Mahwah (NJ), 2003.
- Haspelmath 2004 – *M. Haspelmath*. Explaining the ditransitive person-role constraint: A usage-based approach // *Constructions*. V. 2. 2004. (<http://www.constructions-online.de/articles/35>)
- Haspelmath 2005a – *M. Haspelmath*. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic discovery*. V. 3. 2005. № 1. (<http://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/2/xmlpage/1/article/280>)
- Haspelmath 2005b – *M. Haspelmath*. Ditransitive constructions: The verb ‘give’ // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World atlas of language structures*. Oxford, 2005. (<http://wals.info/chapter/105>)
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. V. 86. 2010. № 3.
- Haspelmath 2011 – *M. Haspelmath*. On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology. Manuscript. 2011. (<http://eva-mpg.academia.edu/MartinHaspelmath/Papers/>)
- Heine, König 2010 – *B. Heine, Chr. König*. On the linear order of ditransitive objects // *Language sciences*. V. 32. 2010.
- Kittilä 2005 – *S. Kittilä*. Recipient prominence vs. beneficiary prominence // *Linguistic typology*. V. 9. 2005. № 2.
- Kittilä 2006a – *S. Kittilä*. The anomaly of the verb ‘give’ explained by its high (formal and semantic) transitivity // *Linguistics*. V. 44. 2006. № 3.
- Kittilä 2006b – *S. Kittilä*. Object-, animacy- and role-based strategies: A typology of object marking // *Studies in language*. V. 30. 2006. № 1.
- Kittilä 2006c – *S. Kittilä*. The woman showed the baby to her sister: on resolving animacy-driven ambiguity in ditransitives // L. Kulikov, A. Malchukov, H. de Hoop (eds.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Kittilä 2008 – *S. Kittilä*. Animacy effects on differential goal marking // *Linguistic typology*. V. 12. 2008. № 2.
- Rapold 2010 – *Chr.J. Rapold*. Beneficiary and other roles of the dative in Tashelhiyt // F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). *Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Siewierska 2003 – *A. Siewierska*. Person agreement and the determination of alignment // *Transactions of the philological society*. V. 101. 2003. № 2.
- Siewierska 2004 – *A. Siewierska*. *Person*. Cambridge, 2004.
- Siewierska, Bakker 2007 – *A. Siewierska, D. Bakker*. Bound person forms in ditransitive clauses revisited // *Functions of language*. V. 14. 2007. № 1.
- Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010 – *F. Zúñiga, S. Kittilä* (eds.). *Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.

П.М. Аркадьев

Сведения об авторе:

Пётр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН
peterarkadiev@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

«НАУКА»

МОСКВА – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

И.А. Мельчук (Монреаль). Зависимости-2011: отношение зависимости в языке и в лингвистике	3
Е.В. Падучева (Москва). Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект	27
В.И. Подлеская (Москва). Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке	42
М.В. Дацишина (Москва). Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий. 1941–1944 гг.	66
Н.М. Бичурин (Санкт-Петербург). «Малые романские языки»: металингвистический дискурс и языковая политика Франции (на примере окситанского / провансальского и арпитанского / савойского)	88
Р.Р. Нагапетова (Москва). Граубюнденский ретороманский: тенденции развития языковой ситуации (по данным переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг.)	99

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

П.М. Аркадьев (Москва). <i>A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010</i>	110
Н.Р. Добрушина (Москва). <i>B. Rothstein, R. Thieroff (eds.). Mood in the languages of Europe. Amsterdam: John Benjamins, 2010</i>	118
Н.Л. Шибасова (Москва). <i>V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: John Benjamins, 2010</i>	121
Кс.П. Семёнова (Москва). <i>A. Bonola, O. Inkova (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi. Milano: EDUCatt, 2011</i>	126
А.В. Зеленин (Тампере). <i>Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009</i>	131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Б. Бергельсон (Москва). Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий 2010–2011 годов	142
---	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плузьян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»